

зия в современном обществе могут привести к напряженным отношениям между определенными группами людей, в частности, при политических выборах, результат которых повлияет в дальнейшем на положение той или иной группы. В любом случае, определение расизма всегда содержит социальную и политическую составляющие: в зависимости от того, какой статус в обществе (раса, пол, социальное положение, инвалидность) получает социальную защиту, постоянные социальные различия между людьми с иными статусами в обществе приводят к дискриминации и негативному настрою, который и является первопричиной насилия.

Понятие расового насилия нельзя соотносить с обычными актами насилия, поскольку речь идет о социальной группе, вступающей в конфликт с обществом, поддерживающей деление на “мы и они” [4, 360]. В отличие от обычных актов насилия, суть расового насилия заключается в том, что оно направлено не на одну жертву, а на всех членов референтной группы, к которой принадлежит жертва. Таким образом, расовое насилие говорит о наличии конфликта между несколькими группами в связи с их “исключительностью” и принадлежностью к одной из них. Можно предположить, что такое насилие представляет элементарную форму расового доминирования, однако так же может рассматриваться в качестве открытого вызова монополии власти как единственной законной форме насилия. Формы расового доминирования включают классификацию посредством предубеждения и “клеймения”, дискриминации, связанной с различными отношениями между членами референтных групп, сегрегации, которая выражается в групповом делении в социальном и психологическом аспектах, геттоизации, как силовом разделении параллельных социальных и организационных структур, и расовом насилии, начиная от запугивания и агрессии, ведущих к суду Линча, бунтам и погромам с кульминацией — расовой войной и истреблением членов определенной социальной группы.

Безусловно, расовое насилие не ограничивается насилием, направленным против меньшинств. В прошлом десятилетии в Европе были распространены бунты, вызванные национальными меньшинствами и, очевидно, поведением других лиц (полиции и т. д.) против несправедливости в отношении к данным социальным группам. Кроме того, отдельные акты расистского насилия могут быть направлены также против членов групп большинства или могут иметь место между членами национальных меньшинств.

Определение понятия расового насилия указывает также на основные причины такого насилия. Если под расовым насилием понимается выражение конфликтных отношений между членами различных социальных групп, то конфликты, связанные с борьбой за власть, разделением ресурсов, безусловно, могут вызывать расовое насилие, как и другие формы стремления к расовому доминированию. Однако, необходимо учитывать, что такое насилие также способно вызывать чувство страха и незащищенности среди населения. Кроме того, помимо конфликтных отношений между группировками, существуют иные причины расового насилия, к примеру, поиск ярких эмоций и острых ощущений, который также может быть связан с ситуациями, в которых проявляется насилие. Можно отметить, что в особенности молодые люди также склонны к такому виду насилия, как гедонистическое насилие [5].

Расовое насилие должно быть проанализировано с учетом перспективы легитимизации. Легитимизация насилия действует посредством применения методов нейтрализации понятия “клейма”, обычно сопряженного с расовым насилием [6, 16]. Нейтрализация в случае насилия в расовом или ином отношении в европейском контексте выражается через передачу пугающей картины количества иммигрантов и лиц, ищущих убежища. Так, может быть инициирован процесс “защитной исключительности” [7, 516]. Это акт коллективной идентичности, которая появляется в восприятии внешних угроз и порождает не только чувство защищен-

Эти акценты стали результатом длительных перемещений по Европе обществ с различными социальными, культурными и религиозными ценностями.

Понятия раса и расизм в основном обращаются к “старым” меньшинствам, таким как евреи и цыгане, которые на протяжении всей европейской истории подвергались охоте, стали основными мишенями расового насилия [11, 257–282], погромов и в конечном счете — Холокоста. Именно поэтому данные понятия все чаще заменяются такими, как ксенофобия, страх и враждебность к незнакомому и, в последнее время, после северо-американских событий — расизм [12, 105–106]. Данные понятия, очевидно, являются более широкими, поскольку охватывают разнообразные группы явлений и конфликтов, нежели упомянутые “раса” и “расизм”, они более полно отражают “горизонтальный” порядок в европейском обществе. В современных обществах доминирование связывают с отклонением “непохожести”, находящейся вне досягаемости мотивов расового насилия. “Непохожесть” может выражаться в виде различных особенностей, в частности, сексуальное предпочтение, этническая принадлежность, цвет кожи, пол, национальность, религия, статус иммиграции, трудоспособность, психические заболевания и т. д. Необходимо отметить, что любая группа может быть подвергнута расовому насилию не только на основании фенотипичных различий, но и при частичном либо полном отсутствии таковых различий — один из уроков долгой истории развития антисемитизма.

Однако определяющими элементами расизма, как и вытекающих отсюда проблем, являются культурные различия, социальные нормы и политические интересы, влияющие на отношение к социальным группам, которые получают законодательную защиту.

У расизма много лиц. Поэтому от феноменологических перспективных актов расового насилия необходимо отличать бунты и погромы на почве расовых разногласий. Помимо этого, насилие в исправительных учреждениях также представляет отдельную категорию насилия, отражающую отношения между социальными учреждениями и некоторыми социальными группами.

Поскольку проявления расового насилия разнообразны, понятия и определения, окружающие его, изменяются экстенсивно. Эти изменения становятся существенными для развития в странах, объясняющих феномен такого насилия на основе различных концепций. Различия эти могут объясняться также очевидной нехваткой политического и научного сотрудничества среди стран Европы относительно проблемы определения расового насилия. В то время как область антисемитизма широко рассматривалась в исторической и современной литературе, исследованием других типов расового насилия пренебрегали.

С точки зрения криминологической теории и исследований, проведенных в Европе, становится ясно, что расовое насилие до сих пор скорее было исключением, нежели правилом. Исследования относительно насилия, в частности, среди молодежи, и исследования относительно преступлений, совершенных иммигрантами и этническими меньшинствами, проводились достаточно мало [13]. Только в течение последних двух десятилетий такого рода исследования получили широкое распространение и развитие.

Использование понятия раса в описании населения (к примеру, числа заключенных) или категоризации тяжких преступлений указывает на деление стран в данном аспекте на англоговорящие и страны континентальной Европы. В то время как понятия “раса” или “расовый” могут быть найдены в статистических отчетах (в особенности в популяционной статистике) и на установленном законом языке в Англии/Уэльсе, США, Канаде или Австралии, использование таких понятий в официальных источниках континентальной Европы незаконно. Что касается государств — членов Европейского союза, использование “раса” и “расовый” в информационных системах (так же, как в исследовании) разрешено только в Ан-

В то время как рамочное решение, безусловно, увеличивает эффективность контроля над совершением такого рода преступлений и согласовывает уголовный закон многих государств, создавая единый, базисный подход к пониманию расистского преступления, существуют иные направления, посредством которых ЕС мог бы осуществлять профилактические меры по борьбе с расистскими преступлениями на местном и национальном уровнях. Соглашение Европола определяет компетенцию данной организации в области предотвращения международных преступлений при условии, что преступная организация действует на территории двух и более государств (ст. 2). В сферу компетенции Европола, в частности, входит расследование террористических преступлений [16]. Терроризм не определен в Соглашении Европола. Однако, определения терроризма в международном и государственном праве сосредоточены на преследовании политических и идеологических целей. Террористическое насилие — это преступные действия, осуществленные с целью распространения страха и террора в обществе, что влечет серьезные нарушения общественного порядка (см. Уголовный кодекс Франции, статьи 421–1 или Закон “О терроризме” Англии/Уэльсе от 2000 г.). Таким образом, некоторые действия расистов, расистских организаций могут быть квалифицированы как таковые, которые относятся к компетенции Европола, проверяться и исследоваться данной организацией.

3. Источники данных и информации

Данные и информация относительно расистского насилия могут быть разделены примерно на пять категорий. Существуют полицейские и судебные информационные системы, куда вводятся данные по актам насилия. Вторая категория информации касается данных обзора социологических и криминологических исследований. Прежде всего, это информация о жертвах таких преступлений, о преследовании, обзоры различных событий, способствующие в конечном счете получению информации о различных формах преступлений. В-третьих, неправительственные организации и другие организации могут собрать информацию относительно специфических типов преступлений и осуществлять контроль в данной сфере. В-четвертых, СМИ действительно освещают факты расового насилия и поэтому предоставляют информацию о соответствующих случаях. И, наконец, международные правовые механизмы суммируют различные данные, к примеру, ECRJ (Европейская комиссия против расизма и нетерпимости).

В любом случае, источники данных должны базироваться на анализе расистского насилия, зарегистрированного информационными службами полиции и социологическими организациями. Другие источники данных не предоставляют достаточно достоверную информацию для ее анализа.

Данным неправительственных организаций присуща, прежде всего, проблема селективности, с которой они сталкиваются намного чаще, чем полиция и судебные органы. В информационных структурах полиции и судебных органов данные хранятся последовательно, систематически, чего не хватает информационным базам неправительственных организаций. Данные и информация, собранные и распространенные неправительственными организациями, не совместимы с фундаментальными исследованиями, которые должны проводиться в данной сфере [17, 159]. Информация, поступающая от СМИ, также имеет недостатки, поскольку анализ СМИ отражает тенденцию концентрации на самых громких и захватывающих случаях насилия. Но, неправительственные организации и СМИ могут послужить хорошим источником данных для характеристики не количественных, а качественных характеристик расового насилия, помимо этого, они могут предоставить информацию об областях, не доступных для исследования и исследователей. В данном аспекте неправительственные организации и СМИ должны играть важную роль в исследованиях, основанных на анализе конкретных случаев.

В информационных базах полицейских участков данные по расизму смешаны с данными по политическим и уголовным преступлениям. Статистические данные в Германии, Нидерландах, Швеции, Соединенном Королевстве основаны на модели “преступлений на почве ненависти”. Однако, категории остаются различными, поскольку используется национальное законодательство. Если бы полицейские данные государства стали доступными для всех государств — членов ЕС, это позволило бы разбить расовое насилие на определенные виды и категории, что значительно облегчило бы процесс сравнения. Начиная с 2002 года, в Ирландии начали собирать данные в полицейских участках также по определенной модели, однако пока они не доступны. В Дании и Финляндии собраны статистические данные о преступлениях расового характера, но принципы сбора таких данных несколько отличны. В Дании акт преступного поведения засчитывается, если полицейский подозревает расистский мотив в действиях преступника. В Финляндии же должен быть доказан расистский мотив, который усматривается, когда жертва является членом национального меньшинства или отличается от преступника по цвету кожи или этническому происхождению. Побуждения в таком случае оцениваются посредством пяти основных категорий вероятности (да, наиболее вероятно, возможно, не знаю, не расист), и первые две категории учитываются полицией как расистские. Однако сами регистрационные процедуры зачастую отличаются и не только между разными правовыми системами, но и в разных районах на территории одного государства.

Если рассматривать опросы жертв расизма, то оказывается, что наибольшее количество таковых в Великобритании, где британский “Обзор Преступлений” учитывает расовое насилие с тех пор, как оно было впервые обнаружено в 1982 году [24]. Обзоры расовых преступлений проводились также в других странах, однако по большей части имели характер просто изучения общественного мнения, к примеру, в Дании, Швеции, Финляндии, Нидерландах и во Франции.

Другая проблема происходит от очевидного отказа составлять подробные сведения об актах расового насилия. Хотя страны создали и развивают аппаратуру, способную фиксировать и вести подсчет актов расового насилия, фактически такие процедуры не всегда производятся. В то время как обычное преступление в статистике легко поддается классификации, как, к примеру, воровство, грабёж или убийство, расистское преступление содержит множество элементов и переменных, что вызывает коллизии при создании классификационных групп для таких правонарушений. Обычный подсчет преступлений базируется на преступнике, прежде всего, действующем самостоятельно и создающем угрозу или наносящем вред защищаемым правам и интересам. Расовое же насилие направлено на определенную социальную группу или национальное меньшинство, такое насилие несет определенное послание, имеет специальный мотив, вне зависимости совершено оно было одним лицом или коллективно. Таким образом, имеет смысл подсчитывать преступления, как в регулярной преступной статистике, по обстоятельствам совершения того или иного деяния, тогда число зарегистрированных преступлений будет указывать на степень распространенности той или иной проблемы и даст возможность предпринимать меры по предупреждению таких правонарушений. Расовое насилие, однако, не может быть оценено на основе подсчета случаев или числа преступников. Один погром или другой акт коллективного расового насилия могут, например, нанести ущерб и оказать отрицательное воздействие на правопорядок в обществе намного превышающий множество актов отдельных правонарушений. В таком случае статистика данных по расовому насилию должна включать сам “контекст”, в пределах которого произошел тот или иной акт. Кроме того, было предложено понимать расовое насилие как процесс, а не измеримый инцидент. Процесс расового насилия включает ежедневные события (по большей части не очень серьезные), расистские инциденты, и крайне редко — случаи расистского

насилия. Ежедневные события, в таком случае, и есть “контекст”, в пределах которого оценивается расовое насилие, которое может привести к серьезным последствиям с точки зрения нарушений правопорядка и общественной безопасности [25, 158]. Это касается также информационных баз неправительственных организаций, когда СМИ в состоянии предоставить данные, которые могут быть использованы при оценке актов коллективного насилия, погромов и т. д.

Суммируя информационные данные, в таком случае можем прийти к заключению, что:

- сравнительный анализ должен базироваться, прежде всего, на данных обзора преступления и/или полицейских протоколах преступления. Другие базы данных, как сообщения СМИ или данные неправительственных организаций, могут быть особенно полезными при сборе информации об актах коллективного насилия, погромах и т. д.;

- наиболее полными и доступными на сегодняшний день являются статистические данные Великобритании, охватывающие последние два десятилетия. Данные других государств ограничены небольшим диапазоном категорий и сравнительно узкими временными рамками;

- полицейские базы данных по расовому насилию доступны для всех стран — членов ЕС. Категории классификации актов расового насилия отличаются так же, как и процедуры сбора данных. В полицейских базах данных, как правило, затрагивается небольшой промежуток времени. Это ограничивает возможность анализа тенденций роста уровня расового насилия;

- процедуры сбора данных отличаются, в силу чего ограничена возможность сравнения данных в разных государствах.

4. Уровень расового насилия в Европейском союзе

Систематически информация о распространенности и уровне расового насилия может быть получена через полицейскую статистику, а также обзоры преступлений. Однако, как было упомянуто ранее, есть ряд существенных ограничений, поскольку на сегодняшний день лишь некоторые страны ввели подсчет расовых преступлений. Кроме того, все эти информационные базы предоставляют сведения за ограниченный период времени, что не позволяет проследить тенденции развития за длительное время. Необходимо отметить, что в данных, которые хранятся в полиции, не указывается этническое происхождение и национальность жертвы вообще. Кроме того, ни в одном государстве, помимо Великобритании, не ведется учет количества представителей разных социальных групп и национальных меньшинств, поскольку данные переписи населения не включают категорию “национальность”. Это весьма усложняет оценку уровня распространенности расового насилия. А государства — члены ЕС, где системы учета расовых преступлений все же были введены, имеют множество различий в деталях хранения и учета данных, что делает весьма проблематичными сравнительные исследования в данной сфере [26].

Необходимо учитывать, что информация относительно политической среды в государстве и уровня дискриминации, которые являются факторами, вызывающими расовое насилие, будет обнаружена скорее, нежели информация о насилии в государстве. Политическая и социальная среда в обществе отражается посредством отношений между членами общества в целом и подгруппами в частности, развитие политических партий правого и левого крыла, законодательства и политики в отношении иммигрантов (частично демонстрируются в “Крепости Европы”).

Поскольку понятие “раса” не относится к категориям популяционной статистики, поэтому значение “популяция в опасности” возможно лишь применительно к национальности. Однако, национальность — не слишком удачное определение для национальных меньшинств, поскольку ведет к недооценке “расовых” меньшинств (если изучение идет на базе гражданства).

Суммируя имеющиеся доказательства о применении расового насилия, можно сделать вывод:

Для большинства стран информация полицейских баз данных отдельных государств недоступна. В странах, где информация собрана полицией и другими организациями, отмечается:

- 1) проблема всех данных, зарегистрированных полицейскими участками, заключается в том, что они зависят от уровня латентности таких преступлений и ресурсов, инвестируемых в подобного рода исследования;
- 2) проблема различий в процедурах регистрации таких преступлений;
- 3) проблема установления повода совершения таких преступлений;
- 4) множество проблем на этапе введения новой регистрационной процедуры;
- 5) понятия расового насилия и расового преступления отличаются в разных государствах — членах ЕС.

Толкования таких понятий в некоторых странах сконцентрированы на экстремизме правого крыла и национальных социалистических (фашистских) организациях. Таким образом, просматривается тенденция к выходу за пределы узких рамок толкования понятий расовых преступлений и расового насилия. Большинство полицейских статистических данных не разделяют уголовные преступления по признаку этнической принадлежности субъекта, национальности или расы жертв (хотя это позволило бы идентифицировать основные модели отношений преступник — жертва). Данные о мотивированном расовом насилии не доступны на сегодняшний день, особенно в отношении представителей определенных профессий, таких как полицейские или тюремные надзиратели [27]. Такие данные могут быть получены исключительно от неправительственных организаций или СМИ [28]. Нет также доступных данных об актах коллективного расового насилия, к примеру, погромах и так далее.

Структура регистрации расистских преступлений аналогична структуре сбора данных. Однако, согласно общей полицейской статистике, большинство расовых преступлений составляют пропаганда и угрозы. Уровень расового насилия, согласно полицейским информационным системам, достаточно низок. Убийства на почве расового насилия встречаются редко, однако выявление таких актов насилия достаточно сложный процесс, поскольку имеет место специфический мотив. Так, к примеру, бомбежка в соответствии с решением начала девяностых годов немецкого Верховного Суда должна оцениваться судом как убийство или покушение на убийство. Согласно статистическим исследованиям, бомбежка быстро и широко распространилась как средство причинения максимального количества разрушений и повреждений.

Сведениям о расовом насилии, полученным из полицейской статистики, присуща нехватка информации относительно референтных групп. Однако невозможно оценить размеры “расовых групп”, как и невозможно оценить уровень распространенности расового насилия. Это еще одна преграда, противостоящая сравнению различных показателей между странами — членами ЕС. Итак, полная и всесторонняя оценка ситуации на основе данных полицейских участков и запроколированных актов невозможна, поскольку:

- 1) временные рамки изучения данной проблемы не превышают десяти лет (обычно с начала 90-х);
- 2) число зарегистрированных актов расового насилия слишком небольшое, чтобы применять сложные методы анализа данных.

Однако, четко просматривается тенденция роста расового насилия в различных европейских странах:

- 1) с начала 90-х годов;
- 2) связанная с повышением роли экстремистских политических партий и организаций;

3) волны насилия, которые объясняются:

- насильственными кампаниями;
- компрометирующим поведением;
- эффектом мобилизации международных конфликтов.

В качестве основных факторов совершения расового преступления, выделяют:

- 1) совершение молодыми людьми;
- 2) преступное окружение [29, 351];
- 3) отторжение взглядов организаций правого крыла;
- 4) вовлечение в преступную деятельность другого вида;
- 5) часто подозреваемые в расовом преступлении и расистском насилии известны [30, 351].

Неудивительно, что расистская пропаганда часто совершается субъектами, примыкающими к экстремистским организациям.

Опросы жертв, которые могли бы компенсировать дефицит информации в базах данных, пока введены только в нескольких странах. Результаты опросов жертв о расовом насилии сравниваются с предполагаемыми результатами. Официальные сообщения об актах расового насилия не отражают всю серьезность ситуации. Исследования показывают существенные различия между зарегистрированными показателями расового насилия и уровнем распространенности преследований, которым подвергаются представители национальных меньшинств. Такие различия объясняются не только разницей в образе жизни [31], но также страхом определенных групп перед подобными рода контактами и событиями (что в итоге негативно сказывается на свободе передвижения) [32, 159]. Расовое насилие оказывает такое же влияние на уровень общественной безопасности, как и обычное насилие. Достаточно полезная информация для характеристики уровня распространенности расового насилия доступна на сегодняшний день только в Англии и Уэльсе, и подтверждена исследованиям, проводимыми в других европейских странах и Северной Америке. Анализируя “Британский обзор преступлений”, можем сделать несколько заключений:

1) члены национальных меньшинств более подвержены риску насилия, чем большие группы населения [33];

2) члены национальных меньшинств действительно сообщают о событии преступления так же, как и группы большинства [34, 188];

3) члены национальных меньшинств выражают неудовлетворенность реакцией полиции на сообщения об актах расового насилия;

4) члены национальных меньшинств имеют тенденцию чаще приписывать преступлениям расистский мотив, чем группы большинства;

5) расовое насилие гораздо чаще направлено на членов большинства;

6) однако, национальные меньшинства более затронуты проблемой расового насилия с точки зрения страха перед преступлением и чувства незащищенности;

7) не проводится параллель между увеличением зарегистрированного расового насилия и данными о подобных актах в обзорах преступлений. Таким образом, существует определенное соотношение между запротоколированными в полиции преступлениями и данными, полученными из обзоров преступлений;

8) рецидив преследования жертвы — весьма распространенное явление, как и рецидив унижения чести и достоинства (оскорблений лица);

9) значительная часть расовых преступлений совершается в пределах одного округа, что заставляет исследователей провести параллель с семейным насилием.

В настоящее время попытки осуществить сбор данных, который бы позволил обнаружить тенденции изменения расового насилия, не проводились. Что касается проблемы идентификации и предупреждения, данная обязанность должна быть возложена на круг лиц, обладающих специальными знаниями в сфере расовых преступлений.

5. Причины расовых преступлений

Причины и условия расистского насилия необходимо рассматривать в соответствии со специфическими структурными элементами. Рассматриваемые структурные элементы — это беспокойство в социальной, организационной, экономической и политической среде. Можно также усмотреть связь расового насилия и насилия в целом.

Социально-бытовые предпосылки проблем, таких как безработица, отсутствие жилья и низкий уровень образования, играют важную роль в толковании причин расового насилия. Необходимо подчеркнуть, что люди, живущие в подобных условиях, зачастую чувствуют, что они конкурируют с иммигрантами за рабочие места и другие ресурсы. Тем самым нахождение “козла отпущения” (виновного) выдвинуто на первый план как основной источник расистского насилия и дискриминации в целом [35]. Однако, как было указано, длительные проблемы могут привести к позору, а позор со временем превратиться в гнев, который снова будет направлен против более успешного меньшинства [36].

Также необходимо обратить внимание на политических деятелей и/или политические партии, потворствующие расистским побуждениям, использующие чувства незащищенности среди групп населения путем обвинения иммигрантов и лиц, ищущих убежища. Количество людей, выражающих ксенофобское отношение, изрядно увеличилось во второй половине девяностых [37, 53], однако нет никаких доказательств взаимосвязи между такими отношениями и расистским поведением/насилием.

Кроме того, именно элементы, относящиеся к социальным и политическим процессам, настраивают иммигрантов и национальные меньшинства искать “козлов отпущения” и удобных врагов. Возможно, источники такой враждебности и, в конечном итоге, насилия занимают место в процессе развития современного общества [38]. Однако, нужно признать также, что изгоев, которые охотятся на меньшинство и способствуют его полному исчезновению, нельзя считать явлениями исключительно современного общества, и, конечно, эта проблема не ограничена прошлыми десятилетиями XX века [39]. Преступность и контроль над ней в исследованиях зачастую связаны с современностью (или последними тремя десятилетиями двадцатого века), что создает впечатление, будто подъем насилия начался в последние три десятилетия (и связан с культурными, социальными, экономическими и политическими преобразованиями), однако подъем насилия способствовал возникновению новых способов насилия [40], при которых нестабильность и кризис возрастают до неимоверно высокого уровня [41]. История Европы от средневековья до просвещения демонстрирует успешный поиск “козлов отпущения”, процесс отторжения чужого и постоянного гонения на иностранцев.

Предполагается, что экстремистские организации правого крыла играют роль в подпитке расовой ненависти и, таким образом, помогают расовому насилию. Фактически некоторые организации правого крыла, очевидно, развились в террористические организации, которые бросают вызов монополии власти [41, 26]. Кроме того, современные способы связи дают возможность создавать межнациональные сети среди экстремистских организаций. Имеет смысл проследить связь между организованным расовым насилием и терроризмом в целом [42].

Существует огромное количество исследований, посвященных появлению и последствиям познавательных отклонений в отношении/восприятии, демонстрирующем предубеждение, маркирующем дискриминацию [43]. Но до сих пор не проведено всестороннего исследования, которое смогло бы продемонстрировать взаимосвязь сознания, отношения и восприятия с расистским и насильственным поведением человека. Это может объяснить отклонения в социологических исследованиях, которые базируются на проявлениях экстремизма, расистских или ксенофобских отношений [44, 43], в то время как исследованиями поведения пре-

небрегли [45]. В силу данных обстоятельств акты серьезного расового насилия освещаются достаточно редко. Вторая проблема связана с установлением причин, которые потребовали бы продолжительных исследований закономерностей в отношениях различных групп и организаций, истоков зарождения агрессивного поведения, которое развивается с течением времени [46, 11].

Что же касается распространенного подхода к объяснению молодежного насилия, направленного на национальные меньшинства, речь идет о хорошо известной гипотезе агрессии из-за расстройства [47], являющейся достаточно общей и не дающей конкретных предпосылок, определения, способов прогнозирования расового насилия. Однако, поскольку расистское насилие связано с насилием в целом, стоит изучить расистское насилие также в перспективе общих теорий насилия.

Социологические исследования недавно сделали шаг вперед в сфере изучения экстремизма и расизма в пределах теорий модернизации, лишения и индивидуализации [48]. К сожалению, с начала девяностых социологическая наука не может сопоставить возрождение расистского насилия и националистических побуждений из-за социологических утверждений в отношении постиндустриальных обществ [49]. Националистические идеологии, которые, казалось, были преодолены в процессе изменения современного общества, снова возросли во всех европейских странах, и эти изменения, по всей видимости, выходят за рамки объяснений социологии [50].

Однако концепция конфликта культуры оставила довольно значимый след, и данные разработки достойны внимания при раскрытии природы насилия и степени рисков и опасности социальной стабильности и интеграции в целом. Эти опасности и риски — продукт коллективных реакций с точки зрения агрессивного поведения, оправданного защитой национально-культурных или национальных особенностей. Можно утверждать, что в современных промышленно развитых странах стабильность и интеграция не связаны с культурой, основанной на общих ценностях и коллективной морали [51, 178]. Эта культура была заменена культурой материальной [52], которая не зависит от общих ценностей или уровня культурного развития, а учитывает отдельный образ жизни и ориентацию каждого [53, 7]. При условии наличия стабильных экономических систем, которые предусматривают материальное обеспечение этого механизма интеграции, потенциал культурных конфликтов достаточно низок. Но, учитывая наличие большого количества населения, лишённого доступа к материальной культуре и реализации личных интересов, потенциал коллективной реакции или формирования этой реакции (подобный подход был предложен в теории Коэна о субкультуре бригады) увеличивается. Таким образом, люди, лишённые доступа к материальной культуре, становятся восприимчивыми для всех типов экстремистских социальных, религиозных или политических движений, подчеркивающих важность коллективных ценностей и коллективной реакции на социальные проблемы, которые основаны на исключительном одобрении.

Теории расистского насилия и расистского поведения, так же как анализ этих теорий, плохо развиты [54]. В особенности данное утверждение верно для подходов, объясняющих увеличение расистского насилия в прошлые десятилетия [55]. Состояние теорий соответствует состоянию теоретического мышления, заметного в областях, близких к явлению расистского насилия, которое и является современным терроризмом [56].

6. Методы и программы как ответ на расовые преступления и расовое насилие

Краткий обзор практики в данной сфере в рамках Евросоюза обеспечивает разнообразие примеров методов и программ, нацеленных на предотвращение расовых преступлений и расистского насилия.

Программы по уменьшению и предотвращению расового насилия можно условно поделить на несколько категорий:

- Программы, направленные на изучение динамики отношений и поведения:
 - • группы риска (специфические молодые люди из неблагополучного окружения);
 - • школьники и студенты;
 - • население в целом;
 - • профессии (полиция).
- Превентивная социальная работа, связанная с влиянием на агрессивную молодежь.
 - Превентивная работа сообществ с целью разрешения вопросов о расовой дискриминации и расовом насилии.
 - Поддержка жертв расового насилия и схемы компенсации.
 - Увеличение роли политического, профессионального и социального участия для групп риска:
 - • в сфере интеграции национальных меньшинств в полицию и судебные органы;
 - • содействие в интеграции групп риска в сфере национализации и участия в общественной жизни и политической деятельности;
 - • содействие интеграции национальных меньшинств — иммигрантов;
 - • путем сокращения юридического давления на иммигрантов и лиц, ищущих убежища.
 - Поддержка наиболее преданных активистов правого крыла в выходе из экстремистских организаций.
 - Влияние на преступников с целью препятствования жестокому поведению:
 - • тренинги терапии антиагрессии;
 - • специализированная полиция, концентрирующая усилия на расследовании расового или экстремистского насилия;
 - • увеличение штрафов за расистские преступления.

Хотя множество ресурсов было направлено на реализацию программ по предотвращению расового насилия, необходимо отметить, что на сегодняшний день не выработано исследования, результаты которого можно было бы эффективно использовать. Обзор исследований установил одно исследование [57, 2], очевидно, нацеленное на оценку определенной программы; однако это исследование не соблюдает основные нормы методологии оценки и поэтому не предусматривает корректные данные.

В данном аспекте сведений достаточно мало о результатах антирасистской политики и программ за исключением услуг, которые могут быть предоставлены жертвам. Такое состояние исследований было ожидаемо, поскольку есть аналогии, касаемые состояния исследований в других областях социальной политики [58].

В основном, политика антирасизма в Европе и в пределах Европейского союза не приведена в соответствие с научной информацией, а скорее управляется нормативной теорией и идеологией. Исследования должны еще развиваться в данном аспекте [59].

7. Резюме

- Что мы знаем о расизме?

Проблема расового насилия, безусловно, изучается в странах ЕС. Мы не обладаем достаточным количеством информации о тенденциях развития и распространения расового насилия. Это связано с тем, что существующая ныне система сбора и фиксации данных не способна отразить изменения, имеющие значение

для оценки степени распространенности расового насилия. В частности, сюда относится нехватка дифференцированной популяционной статистики, не позволяющая выявить определенные группы расового насилия.

Доступная информация свидетельствует о том, что расистское насилие угрожает группам большинства сильнее, чем национальным меньшинствам. Расистское насилие, однако, оказывает разрушительное влияние на общественную безопасность, вызывает у людей чувство страха и опасности, принуждает национальные меньшинства ограничить свободу передвижения.

- Каким исследованиям должно уделяться внимание в будущем?

Помимо уже описанной нехватки информации, существует также нехватка данных о жертвах расового насилия, их эмоциях и психическом состоянии.

Существует необходимость в дальнейшем исследовании соотношения между насилием, расизмом и сообществом. В частности, должны быть изучены вопросы, связанные с вопросами поляризации и подъема в данной сфере. Помимо этого, в исследованиях должно уделяться внимание вопросу, как сообщества могут эффективно ответить на расовые преступления.

Теоретические беседы и эмпирические исследования относительно расового насилия свидетельствуют о проявлении насилия большинством против меньшинства. Целесообразно в таком случае пойти вне перспективы меньшинства или большинства и включать все типы насилия, которое совершено по мотивам ненависти.

Недостаточно хорошо разработан процесс обнаружения ранних признаков изменений в расистских преступлениях и использования данной информации для выработки тактики борьбы с такими преступлениями. Целесообразно ввести в каждой стране систематический сбор данных с привлечением ключевых людей. В перечень ключевых людей, безусловно, должна быть включена полиция, социальные работники, члены неправительственных организаций, в особенности от тех областей, где уровень расового насилия наиболее высокий.

- Что мы знаем о реформировании правовых структур?

Ответственность за расовые преступления, согласно исследованиям, имеет достаточно лояльный верхний предел. Доступные исследования показывают, что санкции довольно низки, хотя в общем считаются средними. Английские данные показывают, что ответственность за совершение расового преступления стала тяжелее после введения отягчающих обстоятельств. Английские данные также интерпретируются как указание на консолидацию в разрешении вопроса расовых преступлений.

- Что мы знаем о последствиях уголовного принуждения?

Что касается последствий применения норм уголовного права к расистским преступлениям, можно выделить следующие тенденции: рецидивизм; отрицательное сдерживание; положительное предотвращение с точки зрения построения и ратификация нормы.

Ни в одной из вышеперечисленных сфер исследование на сегодняшний день не доступно, поэтому сделать заключение о превентивной и воспитательной функциях данных законодательных норм невозможно. Исследования, проведенные в Германии, основанные на качественном подходе, отрицают оба этих фактора [60]. Авторы утверждают, что не существует определенных эмпирических требований, как и оснований для ужесточения ответственности за расовые преступления [61, 178]. Данные выводы вписываются в определенную совокупность знаний о превентивных и сдерживающих эффектах наказания [62], следуют из анализа эффективного вмешательства (с точки зрения сокращения рецидивизма) и его влияния на преступников [63, 324, 332].

Наиболее актуальной проблемой остается оценка потенциала уголовного права для полного предотвращения данной проблемы и создания правовой базы. Сом-

нительной на сегодняшний день является достоверность данных социологических исследований. Хотя, социологическая теория права заявляет, что потребность в уголовных нормах обычно продиктована нарушениями общественного порядка, однако не существует доказательств, которые объяснили бы тип санкций, который должен быть установлен в процессе правотворчества.

Литература

1. *Racism and Xenophobia in Europe. Eurobarometer Opinion Poll no 47.1. First results presented at the Closing Conference of the European Year Against Racism. Luxembourg, 18 & 19 December 1997.*
2. Bjorgo, T. (1997) *Racist and Right-Wing Violence in Scandinavia. Patterns, Perpetrators and Responses*, Oslo: Tano Aschehoug, p. 17.
3. Hawkins, D. F. et. al. (1998) *Race, Ethnicity, and Serious Juvenile Offending*, in: Loeber, R., Farrington, D. (eds) *Serious and Violent Juvenile Offenders. Risk Factors and Successful Interventions*. London, New Delhi: Thousand Oaks, pp. 30–46, p. 31.
4. Trotha, T. (2002) *Über die Zukunft der Gewalt (About the future of violence)*, in: *Monatsschrift für Kriminologie und Strafrechtsreform*, Vol. 85, pp. 349–368, p. 360.
5. Levin, J., McDevitt, J. (1993) *Hate Crimes: The Rising Tide of Bigotry and Bloodshed*, New York: Plenum; Findeisen, H. — V., Kersten, J. (1999) *Der Kick und die Ehre. Vom Sinn jugendlicher Gewalt*, München: Kunstmann
6. Heitmeyer, W., Möller, J. (1995) *Fremdenfeindliche Gewalt junger Menschen. Biographische Hintergründe, soziale Situationskontexte und die Bedeutung strafrechtlicher Sanktionen*, Godesberg: Forum Verlag, pp. 179–178, p. 16.
7. Crawford, A. (1999) *Questioning Appeals to Community Within Crime Prevention and Control*, in: *European Journal of Crime Policy and Research*, Vol. 7, pp. 509–530, p. 516.
8. Christie, N., Bruun, K. (1991) *Der nützliche Feind. Die Drogenpolitik und ihre Nutznießer*, Bielefeld: AJZ-Verlag
9. See Heitmeyer, W. (2004) *Gruppenbezogene Menschenfeindlichkeit. Die theoretische Konzeption und empirische Ergebnisse aus den Jahren 2002, 2003 und 2004*. In: Heitmeyer, W. (ed.): *Deutsche Zustände*. Frankfurt: Suhrkamp, pp. 13–35.
10. Van Donselaar, J. (2000) *Monitor racisme en extreem rechts*, Leiden: *Derde Rapportage*, p. 75.
11. Brustein, W., King, R. (2002) *Antisemitismus in Europa vor dem Holocaust*, in: Boehnke, K., ФуЯ, D., Hagan, J. (eds) *Jugendgewalt und Rechtsextremismus*, Weinheim, München: Juventa, pp. 257–282.
12. Jacobs, J. B. (1993) *The Emergence and Implications of American Hate Crime Jurisprudence*, in: *Israel Yearbook on Human Rights*, Vol. 22, pp. 113–139; Fletcher, I. (1994) *Strafverschörfung bei aus Hass begangenen Verbrechen — zu einem problematischen Urteil des amerikanischen Supreme Court*, in: *Strafverteidiger*, Vol. 2, pp. 105–106.
13. Tonry, M. (ed) (1997) *Ethnicity, Crime and Immigration. Comparative and Cross National Perspectives*, Chicago: University of Chicago Press.
14. Brussels, 28.11.2001 COM(2001) 664 final, 2001/0270 (CNS).
15. Joint Action 96/443/JHA of 15 July 1996.
16. See for a full legal analysis Breucker, M. (2003), *Transnationale polizeiliche Gewaltprävention*, Würzburg: Ergon Verlag.
17. The suggestion made by Bowling/Phillips that sources like journalistic accounts or records of local monitoring groups could offer richer and more meaningful information is misleading, see Bowling, B., Phillips, C. (2003) *Racist Victimization in England and Wales*, in: Hawkins, D. F. (ed): *Violent Crime. Assessing Race & Ethnic Differences*, Cambridge: Cambridge University Press, pp. 154–170, p. 159; such information can be used and is used for political campaigning but does not provide for a sound basis for quantitative scientific analysis which aims at description and explanation of incidence, prevalence and trends.
18. Arnold, H. (1986) *Kriminelle Viktimisierung und ihre Korrelate*, in: *Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft*, Vol. 98, pp. 1014–1058; Van Dijk, J., Mayhew, P., Killias, M. (1990) *Experiences of Crime across the World. Key findings from the 1989 International Crime Survey*, Deventer: Kluwer Law and Taxation.

19. Skogan, W. (1981) *Issues in the measurement of crime*, Washington: Bureau of Justice Statistics; van Dijk, J. J. M., Mayhew, P. (1992) *Criminal Victimization in the Industrialised World: key findings of the 1989 and 1992 International Crime Survey*, The Hague: Ministry of Justice, Directorate for Crime Prevention.
20. Cantor, D., Lynch, J. P. (2000) *Self-Report Surveys as Measures of Crime and Criminal Victimization*. In: *Criminal Justice*, Vol. 4, pp. 85–138.
21. Cantor, D., Lynch, J. P. (2000) *Self-Report Surveys as Measures of Crime and Criminal Victimization*. In: *Criminal Justice*, Vol. 4, pp. 85–138.
22. See eg. Killias, M., Rau, W. (2000) *The European Sourcebook of Crime and Criminal Justice Statistics: A New Tool in Assessing Crime and Policy Issues in Comparative and Empirical Perspective*, in: *European Journal on Criminal Policy and Research*, Vol. 8, pp. 3–12.
23. See eg. Robert, Ph., Outrive, L. (üds) (1993) *Crime et Justice en Europe. Etat des recherches, üvaluations et recommendations*, Paris: L'Harmattan; Robert, Ph., Outrive, L. (üds) (1999) *Crime et Justice en Europe depuis 1990*, Paris: L'Harmattan
24. For a description see the latest publication on the British Crime Survey in Simmons, J., Dockl, T. (2003) *Crime in England and Wales 2002/2003*. London: Home Office.
25. Bowling, B., Phillips, C. (2003) *Racist Victimization in England and Wales*, in: Hawkins, D. F. (ed): *Violent Crime. Assessing Race & Ethnic Differences*, Cambridge: Cambridge University Press, pp. 154–170, p. 158.
26. See eg. Killias, M., Rau, W. (2000) *The European Sourcebook of Crime and Criminal Justice Statistics: A New Tool in Assessing Crime and Policy Issues in Comparative and Empirical Perspective*, in: *European Journal on Criminal Policy and Research*, Vol. 8, pp. 3–12.
27. As regards problems of data collection in this field see in particular Jobard, F. (2001) *Lr usage de la force par la police*. Paris: Edition de la Dücouverte and Busch, H. (2000) *Andere Lönder — öhnliche Sitten. Polizeibergriffe und Kontrolle in Großbritanien und Frankreich*, in: *CILIP* vol. 67, pp. 49–53; reports of the Anti-Torture Commission of the Council of Europe repeatedly have pointed to the risk of detained persons to be maltreated and abused during detention, see eg. Comitü de prevention de la torture (1991) *Rapport au gouvernement de la Rüpublique franzaise relatif a la visite effectuüe par le C. P. T en France du 27 octobre au 8 novembre 1991*. Strasbourg: Conseil de lr Europe.
28. *Aktion Courage — SOS Rassismus (1999): Polizeibergriffe gegen Auslönderinnen und Auslönder. Dokumentation*. November 1999, Bonn; *AI Report 2001 — Germany* (www.amnesty.org).
29. Ray, L., Smith, D., Wastell, L.: *Shame, Rage and Racist Violence*. *British Journal of Criminology* 44(2004), pp. 350–368, p. 351.
30. Ray, L., Smith, D., Wastell, L.: opus cited, 2004, pp. 350–368, p. 351.
31. Smith, D. (1997) *Ethnic Origins, Crime, and Criminal Justice in England and Wales*, in: Tonry, M. (ed): *Ethnicity, Crime, and Immigration*, in: *Crime and Justice. A Review of Research*, Vol. 21, pp. 101–182.
32. Bowling, B., Phillips, C. (2003) *Racist Victimization in England and Wales*, in: Hawkins, D. F. (ed): *Violent Crime. Assessing Race & Ethnic Differences*, Cambridge: Cambridge University Press, pp. 154–170, p. 159.
33. See also Junger, M., Zeilstra, M. (1989) *Deviant gedrag en slachtofferschap onder jongens uit ethnische minderheden*. The Hague: WODC (Netherlands); for a summary of European and North-American research see in particular Killias, M. (2002) *Grundriss der Kriminologie. Eine europöische Perspektive*. Bern: Stömpfli Verlag, pp. 188–190; Tonry, M. (ed) (1997) *Ethnicity, Crime and Immigration, Crime and Justice. A Review of Research*, Vol. 21, Chicago: University Press; Marshall, I. H. (ed.) (1997) *Minorities, Migrants, and Crime: Diversity and Similarity Across Europe and the United States*, London, New Delhi: Sage.
34. As regards apparent similarites across Europe see Killias, M. (2002), pp. 188.
35. See Albrecht, H. — J. (1997) *Ethnic Minorities, Crime and Criminal Justice in Germany*. In: *Crime and Justice. A Review of Research*, ed. M. Tonry, Vol. 21, Chicago: University Press, pp. 31–99.
36. Ray, L., Smith, D., Wastell, L.: opus cited, 2004, pp. 350–368.
37. *European Monitoring Centre on Racism and Xenophobia 2001*, p. 53.
38. Young, J. (1999) *The Exclusive Society*, London, New Dehli: Thousand Oaks, Sage.

39. See eg. Bowling, B., Phillips, C. (2003) *Racist Victimization in England and Wales*, in: Hawkins, D. F. (ed): *Violent Crime. Assessing Race & Ethnic Differences*, Cambridge: Cambridge University Press, pp. 154–170, p. 161–163.
40. Young, J. (1999) *The Exclusive Society*, London, New Dehli: Thousand Oaks, Sage.
41. Hobsbawm, E. (1994) *The Age of Extremes*, London: Michael Joseph.
42. Beck, U. (2002) *Das Schweigen der Wurter. Ueber Terror und Krieg*, Frankfurt: Edition Suhrkamp: , p. 26.
43. See in particular Arquilla, J. Ronfeldt, D. (eds) (2001) *Networks and Netwars: The Future of Terror, Crime, and Militancy*, Washington: Rand.
44. Boehnke, K., FuЯ, D., Hagan, J. (2002) *Jugendgewalt und Rechtsextremismus — Soziologische und psychologische Analysen in internationaler Perspektive*, in: Boehnke, K., FuЯ, D., Hagan, J. (eds): *Jugendgewalt und Rechtsextremismus*, Weinheim, Munchen: Juventa, pp. 21–30.
45. See the summaries in Melzer, W., Rostampour, P. (2002) *Schulqualitat und Rechtsextremismus*, in: *Recht der Jugend und des Bildungswesens*, Vol. 50, pp. 41–58, pp. 43.
46. Ohlemacher, T. (2001) *Fremdenfeindliche Gewalt, Rechtsextremismus und neue Rechte immer mal wieder — mehr von demselben*, *Soziologische Revue*, Vol. 24, pp. 48–57.
47. Boehnke, K., FuЯ, D., Hagan, J. (2002) *Jugendgewalt und Rechtsextremismus — Soziologische und psychologische Analysen in internationaler Perspektive*, in: Boehnke, K., FuЯ, D., Hagan, J. (eds): *Jugendgewalt und Rechtsextremismus*, Weinheim, Munchen: Juventa, pp. 21–30, p. 11.
48. Akers, R. L. (1977) *Deviant Behavior: A Social Learning Approach*. Belmont:Wadsworth.
49. See eg. Perrineau, P. (2001) *Front National. Lrecho politique a lranomie urbaine*, in: *Esprit March/April*, pp. 22–38.
50. Hondrich, K. O. (1992) *Wovon wir nichts wissen wollten*, in: *Die Zeit*, Vol. 40, (25. 9. 1992).
51. Brock, D. (1993) *Wiederkehr der Klassen? Ueber Mechanismen der Integration und Ausgrenzung in entwickelten Industriegesellschaften*, in: *Soziale Welt*, Vol. 44, pp. 177–198.
52. Brock, D. 1993, *ibid.* pp. 178.
53. Ulram, P. A. (2001) *Sozialprofil und Wahlmotive der FPU-Wahler. Zur Modernitat des Rechtspopulismus am Beispiel des Phenomens Haider*, in: Heitmeyer, W. (ed) *Schattenseiten der Globalisierung. Rechtsradikalismus, Rechtspopulismus und separatistischer Regionalismus in westlichen Demokratien*, Frankfurt: Suhrkamp, pp. 206–226.
54. Moeller, K. (1993) *Rechtsextremismus und Gewalt. Empirische Befunde und individualisierungstheoretische Erklarungen*, in: Breyvogel, W. (ed) *Lust auf Randal. Jugendliche Gewalt gegen Fremde*, Bonn: Verlag Dietz, pp. 35–64
55. See the review in Bowling, B., Phillips, C. (2003) *Racist Victimization in England and Wales*, in: Hawkins, D. F. (ed): *Violent Crime. Assessing Race & Ethnic Differences*, Cambridge: Cambridge University Press, pp. 154–170, pp. 160–164.
56. Heitmeyer, W. (ed) (1994) *Das Gewaltdilemma. Gesellschaftliche Reaktionen auf fremdenfeindliche Gewalt und Rechtsextremismus*, Frankfurt: Suhrkamp.
57. Albrecht, H. — J. (2002) *Terrorismus und kriminologische Forschung — Eine Bestandsaufnahme*, in: *Schweizerische Zeitschrift fur Kriminologie*, Vol.1, pp. 5–17.
58. Sampson, A., Phillips, C. (1995) *Reducing Repeat Racial Victimization on an East London Estate. Polece Research Group: Crime Detection and Prevention Series, Paper 67:53*, London: Home Office, p. 2.
59. Graebisch, Christine (ed) (2000) *Experimente im Strafrecht — Wie genau konnen Erfolgskontrollen von kriminalproventiven MaЯnahmen sein?*, Bremen: Bremer Institut fur Kriminalpolitik.
60. Bowling, B., Phillips, C. (2003) *Racist Victimization in England and Wales*, in: Hawkins, D. F. (ed): *Violent Crime. Assessing Race & Ethnic Differences*, Cambridge: Cambridge University Press, pp. 154–170, pp. 169–170.
61. Heitmeyer, W., Muller, J. (1995) *Fremdenfeindliche Gewalt junger Menschen. Biographische Hintergrunde, soziale Situationskontexte und die Bedeutung strafrechtlicher Sanktionen*, Godesberg: Forum Verlag, pp. 176–178.
62. Heitmeyer, W., Muller, J. (1995) *ibid.*, p. 178.
63. Von Hirsch, A. et al. (1999) *Criminal Deterrence and Sentence Severity*, Oxford: Hart.